

Леонид ГЕРВИЦ

Как я писал портрет Евтушенко

Не стало Евгения Евтушенко...
Вот написал я эту строчку и не верю своим глазам.

Несовместимость этого человека с бытием настолько очевидна для миллионов советских, российских и зарубежных мыслящих и образованных людей, что невольно приходит мысль: а человек вообще-то должен ли быть смертен?

Хоть поэзия Е. А. жила во мне всю мою сознательную (до 52 лет) жизнь, она подарила мне встречу с ним лишь в 1998 году.

Ни одно воспоминание не может быть в точности достоверным — наука физика это отрицает. Но все же...

В случае с Евгением Александровичем Евтушенко, Женей, как его звали близкие друзья, да и не только близкие (и что характерно — он никогда на это не обижался), приведенная выше мысль не кажется абсурдом. Каждая минута, проведенная рядом с великой личностью, превращается в яркую картину, в ту самую "яркую тряпку".

Вскоре после нашей первой встречи, когда я сделал несколько зарисовок, которые ему так понравились, возникла идея написать портрет на холсте.

Осуществить ее стало возможно во время нашего совместного путешествия в Palm Beach в конце апреля 1999 года.

Марвин Бараш, пожилой банкир, ветеран Второй мировой войны, простоявший неделю по колено в воде в Арденнах, и его молодая жена Фелис, мои новые американские приятели и коллекционеры моих картин, владевшие несколькими этажами в прибрежном отеле "Амбассадор", любезно согласились, чтоб в очередной мой заезд на ежегодный творческий отпуск я взял с собой знаменитого русского поэта, о котором Фелис давно знала.

Нам предоставили просторные, наполненные ярким флоридским солнцем апартаменты с видом на Атлантический океан.

Я сразу отдал Е. А. главную большую спальню, куда был водворен письменный стол. Сам же устроился на довольно узком, но в красивых южных цветах диване в холле. С самого начала я решил не докучать поэту моим назойливым присутствием и по возможности жить своей жизнью: купаться в океане, писать этюды, наслаждаться красотами Флориды. Дверь в его комнату была приоткрыта, так что в щель я мог лишь видеть, горит или не горит свет. Моя добровольная самоизоляция, видимо, пришлась по вкусу, и лед первых дней стал понемногу таять. Неудобный Евтушенко (думаю, читатель не может вспомнить, как и я тоже, случая, чтоб Женя когда-либо от души хохотал по какому-либо случаю) поначалу был официально серьезен и ничуть не пытался наладить контакт с человеком, который привез его в этот сущий рай. Обычно, когда я, как теперь говорят, "по жизни" встречал такое к себе отношение, то в ответ становился адекватно каменным. И уже надолго. Так что, отсутствием гордыни не обладая, я в какой-то момент даже стал жалеть о моем предприятии с приездом во Флориду. Но слава Евтушенко, сопровождавшая всю мою сознательную жизнь, уважение к автору "Бабьего яра" и "Со мною вот что происходит" не позволили, к счастью, мне взбрыкнуть и расстаться с ним навсегда. А правду сказать, я был в шаге от такого решения. При этом мне особенно припомнился эпизод с моей женой Ирочкой как раз накануне нашего отлета.

Как-то у нас состоялся с ней такой диалог:

— Звонил Евтушенко.

— Ну и что?

— А то, чтоб я его ноги в нашем доме не видела!

— Это еще почему?

— Он устроил мне выволочку за то, что я не знаю, как спеллается его фамилия.

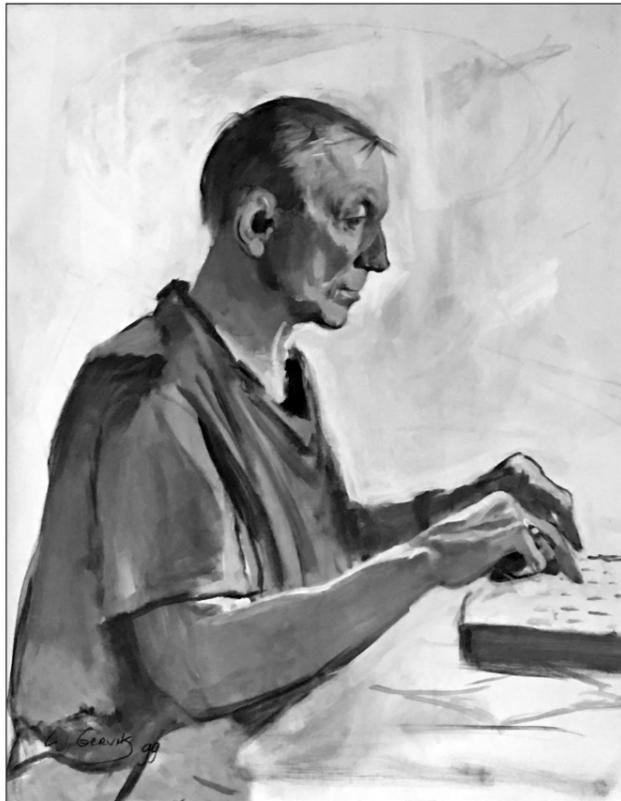
Оказывается, Женя звонил по поводу заказа билетов на самолет до Palm Beach и на Ирин вопрос об английском написании его фамилии возмущался.

"У меня в Америке вышло 12 книг, а вы не знаете, как пишется моя фамилия!" — выговаривал он моей тоже гордой и совершенно не заслужившей этого жене.

Таково было мое настроение в момент прибытия на место.

Но дело было затеяно, и надо жить дальше.

Примерно через день я предложил писать портрет. "А ты знаешь, что Сикейрос хотел писать мой портрет, а я не дался?" — заявил мне Е. А., пока я устанавливал мой мольберт в тесном пространстве между окном и письменным столом. Я, кажется, должен был быть польщен честью, мне оказываемой. Но не стал об этом долго размышлять, а взялся за работу.

Фабулу портрета долго искать не пришлось, да и выбора особого не было.

Он постоянно, почти круглосуточно испуленно работал (вот уж действительно открытием была для меня восхитительная работоспособность Евтушенко!), так что оставалось только принять это за факт и пристроиться рядом. Я всегда пишу быстро (сказываются привычка многолетнего преподавания, когда надо принимать быстрые решения, а также мой южный темперамент), что в данном случае было необходимо. Мы работали параллельно: он стучал своими большими узловатыми пальцами по клавиатуре, не обращая на меня ни малейшего внимания; я же старался быстро занести свое первое впечатление, самое правильное и сильное, на холст. Иногда мы только прерывались на то, чтоб съездить куда-нибудь на мою рентованную "Тойоту", наконец, поест. Завтракали, как правило, дома. Хозяйка заботливо загрузила на наш приезд холодильник, которого хватило на несколько утр.

В один из завтраков, которые мы готовили попеременно, была очередь Жени. Было это уже незадолго до нашего отъезда домой, и в отношениях наших, заметно уже потеплевших, наступила вполне дружеская атмосфера. Я сидел на диване с видом на кухню и наблюдал, как Дон Кихот мировой поэзии готовил нам обим незатейливый завтрак. Увидев, что я слежу за процессом, он мне сказал: "Вот пройду годы, ты пойдешь гулять с внуком, подойдешь к моему памятнику и скажешь внуку: "Вот этот дядя мне готовил яичницу". Тогда, в самом конце XX века, летом 1999 года, эта фраза, казалось мне, говорила об очень далеком будущем. Е. А. тогда было 66, мне 53, Сейчас мне уже на пять лет больше, чем ему было тогда.

И вот сегодня месяц, как его не стало. Прошло уже много лет XXI века — почти одна пятая. Пророчество Е. А. уже начинает сбываться; наверняка кто-то (может быть, даже его приятель и сосед по Переделкино Зураб Церетели) думает над памятником. Правда, внука у меня еще пока нет, но в своем пророчестве Женя уже частично прав. Он свою часть (к великому моему и миллионов его поклонников сожалению) уже выполнил.

Неумолимо время несет пулей, оставляя нам вместо себя, вместо друзей и родных, которых мы любили, "хлеб" воспоминаний. И приходят на память драгоценные часы и дни наших встреч.

Так получилось, что больше двух сеансов работать не пришлось. Е. А. показался мне тогда гораздо более многозначным образом, чем тот, который появлялся на холсте. Практически не окончив первый портрет, я тут же принялся за второй, более артистичный, который в то время представлялся мне более выразительным. Е. А. всячески старался мне в этом помочь: надел небесно-голубую сорочку и такую же фуражку, принимал всяческие позы, снимал или надевал очки, даже гримасничал слегка, чтобы создать занятный образ. За его спиной,

оказалась картина Клее, которая очень соответствовала нашим поискам, и я, зная, как Евтушенко любит современное искусство, был рад такому совпадению. Но вскоре мы вернулись в Нью-Йорк, и оба портрета (как мне казалось тогда) остались незавершенными.

Прошли годы. Мы встречались в Нью-Йорке на собраниях Пушкинского общества, где я был главным художником. Я готовил к выпуску очередные номера журнала "Арзамас", и Е. А. привозил или пересылал к нам новые стихи.

С президентом Международного общества пушкинистов Марком Митником мы всегда отмечали приезды Е. А.: либо в теплой домашней атмосфере, либо за стойкой бруклинского бара. Е. А. научил меня любить ликер Creme De Cassis, и теперь при виде этого божественного напитка я всегда вспоминаю Евтушенко.

Я несколько раз возил его на его знаменитые в среде русско-еврейской эмиграции концерты. Бывал на его лекциях в Quince college. Мы перезванивались по телефону, когда он бывал в Америке.

Осенью 2015 года я выслал в подарок Е. А. мою новую книгу портретов, вышедшую накануне. Недели через две раздастся звонок с его привычным "Леня, здравствуй, это Евтушенко!"

— Слушай, а у тебя еще есть портрет этого старика с бородой?

— Какого? — говорю я. — Там их несколько.

— Ну тот, который на обложке.

— Есть, — говорю.

— Я хочу его у тебя купить.

— Хорошо, — говорю я, — мне только надо это согласовать с моей галереей, так как у нас договор о моих продажах по Америке.

На следующий день я связался с моим агентом и уговорил ее отказаться от своего процента с этой продажи ввиду такой исключительности заказчика, как мой друг, великий поэт. Она безоговорочно согласилась. Цена была объявлена, которую я посчитал не высокой, но приемлемой. Покупай он из галереи, ему бы обошлось вдвое дороже или даже более того.

На следующий день, свернув в трубочку портрет и подрамник, я вылетел в Талсу.

В аэропорту меня встречал сам Е. А., медленно ковляя с палкой и на своей железной ноге. Пока мы, переговариваясь, ждали у "карусели" мой багаж, я имел возможность видеть, как местные (а может, и приезжие) узнавали моего собеседника и с интересом глядели на нас.

Когда мы приехали домой, в небольшой уютный и красивый дом, Е. А. с нетерпением меня стал поторавливать раскрыть рулон.

Стоило мне только развернуть картину, как он воскликнул: "Всё! Это гениально! Не надо натягивать, я так и отвезу это в Москву".

Вскоре пришла с работы Маша, которой картина тоже понравилась.

Я прожил у них два дня. Ввиду ремонта в доме мне постелили на кушетке в кабинете. Это был второй раз в моей жизни когда я си-

дел на кушетке великого поэта. Первый раз был в кабинете Пушкина в Михайловском.

На следующий день мы все втроем съездили в местный художественный музей, скучное шикарное здание из стекла и бетона. Ходить Е. А. было очень трудно, и мы с Машей по очереди его везли на инвалидном кресле.

Я неоднократно убеждался, что Евтушенко был человеком слова. После наших флоридских каникул он пригласил меня приезжать в Переделкино в любое время. За ним также прочно закрепилась репутация человека, который помогает другим, особенно поэтам и художникам. Совсем недавно я смог воочию в этом убедиться сам.

В конце июля 2016 года пришло сообщение, что мне присвоили звание почетного академика и Церетели меня вызывает в Москву на заседание президиума РАХ.

Мой русский паспорт оказался просроченным, а по положению, имея русское гражданство, я не мог лететь по американскому паспорту.

Клерки в русском консульстве в Нью-Йорке хладнокровно мне заявили, что на замену паспорта уйдет три — четыре месяца. Дело было в 10-х числах августа 2016 года. Заседание президиума было намечено на 6 сентября.

Я рассказал об этой ситуации Маше Евтушенко. Сам он в тот момент был в Москве, но должен был лететь в Талсу на следующий день.

Буквально накануне вылета он позвонил в МИД, в канцелярию министра иностранных дел России С. Лаврова. Оттуда дали директиву срочно мне оформить визу для вылета в Москву на президиум РАХ.

Так Е. А. мне помог с вылетом и к тому же предложил жить у него в доме в Переделкино. Распорядился поселить меня в своей спальне, среди своих неимоверных пижмаков, икон и гор книг, впрочем, лежавших в безукоризненном порядке, где я провел необычную неделю в "мире Евтушенко". Ездил на его машине с шофером Сашей, спал в его кровати, читал его книги, общался с его музеем, с радостью видел, как мои рисунки лежат на его рабочем столе.

Тогда же, в его доме, я смотрел по Первому каналу передачу, незадолго до того снятую в программе Малахова, о любви Е. А. к колумбийской женщине Доре Франко.

С изможденным жизнью телом, но юной душой, с горящим, полным мысли взором, поэт продолжал "шуметь", продолжал ЛЮБИТЬ, несмотря на уже известный ему близкий конец.

Я знаю, что среди читающих эти мои воспоминания будут те, кто скептически скрипит рот и "запоет" старую песню про "камни, которые бросали в разрешенном направлении". Таким я хочу сказать: читайте повнимательнее стихи Евтушенко, смотрите его фильмы, слушайте его песни и не повторяйте досужих бредней.

А вообще-то — попробуйте, КАК ОН! Что, слабо?